

Назаренко Варвара Юрьевна

аспирант кафедры
зарубежной литературы
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Varvara Nazarenko

PhD Student
of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
varya.nazarenko.1999@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ КОНФУЦИАНСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ПРОЗЕ**

**TRANSFORMATION OF CONFUCIAN IDEAS
IN MODERN CHINESE LITERATURE**

На примере рассказа Сюй Кунь «Кухня», а также повестей Пань Сяопин «Юноша» и Ван Шиюэ «Грехи человеческие» проанализирована попытка авторов изобразить трансформацию основных идей конфуцианского учения касательно взаимоотношений личности и общества, механизмов построения социальных и межличностных отношений. Выявлена деконструкция конфуцианской концепции личности. Особое место в исследовании отведено истокам сыновьей почтительности как элементу конфуцианской этики, а также теории социальной идентичности.

Ключевые слова: трансформация социальной иерархии; современная китайская проза; конфуцианство; образ благородного мужа цзюньцзы; концепция личности; путь гуманности жэньдао.

On the example of Xu Kun's short story *The Kitchen*, as well as Pan Xiaoping's novellas *The Youth* and Wang Shiyue's *Human Sins*, the authors attempt to depict the transformation of the main ideas of Confucian teaching regarding the relationship between personality and society, mechanisms for building social and interpersonal relations is analyzed. The deconstruction of the Confucian concept of personality is revealed. A special place in the study is given to the origins of filial piety as an element of Confucian ethics, as well as the theory of social identity.

Key words: transformation of the social hierarchy; modern Chinese prose; Confucianism; image of noble husband Junzi; concept of personality; the way of humanity zhendao.

Конфуцианство как философское учение в Китае зародилось в VI – V веках до н. э. в эпоху крупных социальных и политических потрясений. Его общей направленностью была идея достижения социальной гармонии с опорой на авторитет мудрецов и правителей древности, а основные положения конфуцианского учения отразились в «этически детерминированном рационализме мышления китайцев и синкретической духовной культуре» [1].

Фактически до XX века конфуцианские идеи были практически единственным морально-этическим регулятором взаимодействия индивида и общества. А уже в условиях интеграции западных идей, ценностей и тенденций в философской, социальной и культурной жизни Китая конца XX века происходят существенные изменения. В первую очередь они касаются мировоззрения, жизненных ориентиров и ценностей, которые определяют концепцию и типологию личности, а также изменения в системе взаимоотношений между социумом и индивидом, которые и находят отражение в литературе. На развитие китайской словесности 1980-х годов повлияли культурная интеграция Востока и Запада вследствие проведения в Китае политики «реформ и открытости». Под влиянием западноевропейского феминизма, тенденции к коммерциализации литературы и других видов искусства концепция личности, а также традиционная система ценностей в новых условиях реальности трансформировались.

Так, переосмысливается одно из ключевых понятий конфуцианства – *жэньдао*, Путь человека (人道). Согласно Мэн-цзы, последователю Конфуция, только следуя Пути человека (*жэньдао*), индивид может быть личностью, так как «человечность охватывает всего человека» [2, с. 15]. Наряду с *жэньдао* (Путь человека), существует понятие-омофон *жэньдао* – Путь гуманности (仁道). В значительной степени данные понятия синонимичны и взаимозаменяемы, поскольку 人 *жэнь* ‘человек’ практически «встроен» в структуру иероглифа 仁 *жэнь* ‘гуманность, человеколюбие’ в качестве ключа. И тогда следование Пути человека соответствует следованию Пути гуманности, а вместе – Человечности, и представляется возможным на русском языке использовать далее универсальное *жэньдао*, включающее оба значения. Ю. К. Щуцкий, китаевед и исследователь «Книги перемен» (《易经》), видит в каноне рассуждения об образовании иерархии социальной системы Поднебесной сквозь призму понимания Воли Неба (*тяньмин*, 天命 ‘Небесный мандат, фатум, судьба’), согласно которому человек концептуализируется как «один из множества элементов мира» [3, с. 7].

Изначально конфуцианство выражало интересы наследственной аристократии, концентрировалось на «укреплении общественного строя и сложившихся форм государственного управления путем строгого соблюдения древних традиций и определенных принципов взаимоотношений между людьми в семье и обществе» [4, с. 36], но к XX веку оно уже совершенно утрачивает данную социальную исключительность. Изменилась интерпретация и смысловое наполнение *жэньдао*, поскольку сам *жэнь* (人 ‘человек’) становится иной личностью.

С течением времени происходят существенные изменения и в многовековой иерархии межличностных, социальных и гендерных отношений, являющиеся предметом исследования женщин-писательниц в конце XX века. Ранее в традиционных представлениях о формировании этических механизмов межличностных отношений женщине отводилось второстепенное положение. И хотя во второй половине XX века, пройдя долгий путь эмансипации, китайские женщины смогли улучшить свои позиции в обществе, в настоящее время они продолжают сталкиваться с серьезными проблемами. Так, писательница Сюй Кунь в рассказе «Кухня» (徐坤《廚房》, 1997) иллюстрирует положение женщины в современном обществе, акцентируя внимание на смене ролей мужчины и женщины в гендерной иерархии. Несмотря на то, что действие рассказа охватывает всего один вечер, Сюй Кунь изображает психологический путь Чжицзы от стремления к самоосвобождению до тотальной потери себя. События рассказа разворачиваются на кухне: «отправном и конечном пункте назначения в жизни женщины» [5, с. 399]. Задача героини заключается в том, чтобы влюбиться в себя своего подчиненного Сунцзэ – художника сорока лет, избалованного женским вниманием, покорив его своими кулинарными способностями. Кульминацией рассказа становится поцелуй героев, который меняет плоскость их отношений, однако не приводит к достижению основной цели женщины: «Новая форма их связи оказалась для него неожиданной и неприемлемой» [5, с. 407]. Следует также отметить, что именно благодаря усилиям Чжицзы, мужчина имеет коммерческий успех.

Автор создает в произведении атмосферу недосказанности между мужчиной и женщиной, изображает социальный парадокс в контексте традиционного мышления: мужчину на содержании у женщины и женщину в погоне за карьерой. Что в целом является нарушением конфуцианской иерархичной системы отношений, в которой именно женщина подчиняется мужчине, а не наоборот.

Еще одним социальным преобразованием в конце XX века стала гегемония потребительства. В данном контексте происходит снижение значимости конфуцианского концепта телесности как этического начала сыновней почтительности, что изображает Пань Сяопин в повести «Юноша» (潘小平《少男》, 2012). Большое внимание в ее творчестве уделяется социальным отношениям, расстановке сил и прав между людьми. В центре повести события, навсегда изменившие жизнь юноши Сяо Цзю. Автор описывает его переезд из деревни в город, а также работу в массажном салоне у родного дяди. К юноше испытывают романтические чувства две женщины: его ровесница Цайцай и взрослая женщина Сяо Тао,

которые открыто соперничают за его внимание. Цайцай проявляет свое внимание ненавязчиво, предостерегая и заботясь о юноше (например, она признается, что «хотела показать, насколько ужасен этот мир, насколько опасными могут быть помыслы других людей и насколько бесстыжими бывают женщины!» [6, с. 46]). Сяо Тао действует вызывающе и агрессивно: желание любой ценой провести ночь с юношей приводит к тому, что родной дядя «продает» племянника. Новый день для Сяо Цзю начинается с попытки самоубийства, так как он не может справиться со стыдом как перед обществом, так и перед собой. Отметим, что конфуцианская идея сыновней почтительности основана на том, что тело человека существует исключительно благодаря его родителям: «Наше тело, вместе с волосами и кожей, унаследовано от наших родителей. Ни в коем случае не следует причинять вред собственному телу. Это отправная точка сыновнего почтения» [7, с. 44]. Та же идея неоднократно разрабатывалась в классических конфуцианских трудах, согласно которым члены семьи есть единое целое, а семья и взаимоотношения в ней представляют собой социальное тело: «Отец и сын – это одно тело; муж и жена, братья, все они – одно тело. Отношения между отцом и сыном подобны отношениям между головой и ногами. Муж и жена – это сочетание двух отдельных частей одного тела; братья – это четыре конечности» [8]. Однако юноша должен был самостоятельно избавить общество от «дефектного» элемента, так как в китайской теории социальной идентичности коллективное «я» преобладает над индивидуальным: «социальная идентичность требует, чтобы человек воспринимал себя как члена определенной социальной категории, которого можно заменить любым из нескольких других, а не как конкретного человека» [9]. Таким образом, с точки зрения конфуцианской теории главной целью человека является трансформация «я» в «Мы» и усиление необходимости принадлежности к социуму.

Пань Сяопин в повести изображает актуальные проблемы социального неравенства и угнетения рабочего класса в современном обществе. Общество в повести представляет модель, где незрелая личность Сяо Цзю образует новые иерархические отношения, на вершине которых стоит обеспеченная Сяо Тао, чей капитал создает ее вес в обществе. Вседозволенность женщины формируется благодаря ее окружению и трансформируется в паттерн адаптивного поведения.

Вопрос этики в произведении пронизывает как гендерную, так и социальную иерархию. Идея превосходства базируется на материальной составляющей, в которой явно просматривается деление на «верха» и «низы», где обеспеченное население и «рабочий класс» образуют систему соучастия, т. е. они сознательно «покупаются».

Таким образом, Пань Сяопин изображает модель отношений между мужчиной и женщиной со смещенными социальными ролями посредством раскрытия философии телесности. Она использует концепт эротизма как один из основных каналов, по которым герои-представители «низов» общества соотносятся с «верхами». Хотя наркоманка Цайцай выступает обитателем социального «дна», однако именно она несмотря на свой род деятельности спасает жизнь юноше. Герои-представители «верхушки» общества (Сяо Тао, дядя юноши) являются негативным отражением социальной трансформации, которой сопутствует кризис ценностной ориентации горожан. Город в повести – это синтез неупорядоченных ценностей и необузданных желаний. Напротив, сельская местность, менее затронутая социальными преобразованиями, становится в некотором роде идиллией, где есть место традициям и морали.

Автор в повести фокусируется на социальном, этическом и моральном содержании понятия «мужской объективизации» в контексте большого города, в котором отношения даже близких людей строятся по законам рынка. Основная проблема повести – «потребление» молодых людей независимыми женщинами, или объективизация мужчин, которое характеризуется как новое социальное явление.

Французский социолог и философ Жан Бодрийяр акцентирует внимание на понимании потребления: «если этот термин не означает того, что под ним подразумевает грубая экономика – точно определяет фазу развития общества» [10, с. 9]. Следовательно, отношения купли-продажи между людьми возникают потому, что удовлетворение желания является внутренней потребностью, а символическая ценность и ориентация на потребление – внешней движущей силой.

Галерея личностей в повести в условиях современной социальной тенденции потребления ранжируется от бесхарактерной и слабой (Сяо Цзю) до волевой и агрессивной (Сяо Тао). Примечательно также, что женским образам повести в определенной степени присущи решительность, духовная и физическая сила, а мужским – кротость, покорность, трусость, невозможность отстаивать личные границы.

Среди древнекитайских мыслителей Сунь-цзы (孙武) был первым, кто подчеркнул значение врожденных человеческих желаний, побуждающих человека приобретать различные ресурсы для удовлетворения своих потребностей: «Это изначальная природа и склонность людей желать выгоды и стремиться ее получить. <...> Итак, природа людей такова, что, когда они голодны, они желают насыщения <...> Это естественные чувства человека» [11, с. 44]. Однако между биологическими потребностями индивида и этическими требованиями общества существуют противоречия,

поэтому необходимо контролировать свои желания и придерживаться норм повседневных социальных взаимодействий: «[людям] нужно поддерживать личный контроль с помощью надлежащего поведения (禮, *ли*) и справедливости (義, *и*)» [11, с. 45]. В этой связи были разработаны методы самосовершенствования, которые включали в себя усердное изучение Пути человечности: «... искренне практикующий её и испытывающий чувство стыда, когда чьё-то поведение отклоняется от неё. Любовь к знаниям сродни мудрости. Пристальное внимание к поведению сродни благожелательности. Чувствительность к стыду, сродни мужеству. Когда люди поймут эти методы, они поймут, как самосовершенствоваться» [2, с. 200].

Известно, что этическая система конфуцианского учения прагматична и базируется на практических соображениях, направлена на построение знаний, а также на эмпирический опыт человека, нацеленных на самосовершенствование: «Воплощение конфуцианской этики в своих действиях – это стремление всей жизни, поэтому должно выполняться терпеливо и стойко» [8]. Человека, обладавшего высоким уровнем нравственности, а также способного следовать *жэньдао* в повседневной жизни, считали *цзюнь-цзы*, или благородным мужем (君子), в то время как озабоченного личными интересами и выгодами называли маленьким, обычным или недалеким человеком (小人, *сяо-жэнь*). Таким образом, человек достоин называться *цзюнь-цзы* тогда, когда способен подавлять врожденные желания и выстраивать отношения с другими в соответствии с традиционной иерархией. Если же человек действовал, исходя лишь из собственных желаний или интересов, его могли критиковать как *сяо-жэня* и говорить о его животной природе.

Исследуя образную систему современной китайской литературы, в которой особое место занимают герои-конфуцианцы, нельзя не отметить их эволюцию (или деградацию). Именно этот аспект сквозь призму преступления и психологии преступления исследует в своей повести «Грехи человеческие» (《人罪》, 2014) Ван Шиюэ (王十月). В названии произведения заложена морально-этическая составляющая, которая реализуется посредством обращения к концептосфере понятия «греха» в китайской лингвокультуре.

Британский дипломат Эдвард Вернер отмечал, что в Китае классическому значению понятия «грех» аналогично преступление против закона: «Китайское законодательство закрепляло систему субординации, подчинения правителю, а не содействовало установлению справедливости в обществе. Законы были направлены на то, чтобы обвинять и карать, а не

исправлять осужденных» [12, с. 24]. Далее Вернер обращается к конфуцианству как к идеологическому стержню государства, раскрывая принцип детерминизма, согласно которому основная жизнеутверждающая концепция заключается в том, что «все, что случается, представляет собой последовательность предшествовавших состояний вещей. Все, что человек делает в любой момент жизни, зависит от его прошлого, т. е. от его психологического наследства, а также от всего, что он до этого прошел» [13, с. 94].

В центре повести внутренние противоречия судьи Чэнь Цзэво и его жены Ду Мэй, а также осужденный торговец Чэнь Цзэво, вокруг чьего имени и строится основной нравственно-этический конфликт произведения: в руки опытному судье Чэнь Цзэво попадает дело о непреднамеренном убийстве мелким торговцем полицейского. Стоит отметить, что классическому образу судьи в китайской литературе, который восходит к мифологическому персонажу Бао-гуну, присущи такие качества, как мудрость, неподкупность, честность. Однако автор создает образ героя-судьи далеким от идеала, ведь «преступление, которое он совершил двадцать лет назад, было тесно связано с нынешним делом» [14, с. 85]. Изучая детали дела, судья понимает, что ему предстоит судить человека, чье имя он присвоил себе во время выпускных экзаменов благодаря находчивости своего родственника – школьного завуча. Из чего становится понятно, что герой присвоил себе чужое имя и чужую жизнь.

Жена героя – журналистка Ду Мэй, заинтересовавшись сходством имен судьи и подсудимого, задается вопросом непохожести судеб двух мужчин, чем усугубляет страх мужа быть узнанным. Исходя из особенностей менталитета китайцев, данный эпизод явно отсылает к страху «потерять лицо» (丢脸, *диулянь*), т. е. к вопросу репутации. Однако стоит отметить, что герой-судья не испытывает сострадания к подсудимому, так как цинизм и малодушие – качества, зародившиеся в характере героя, когда он был только в начале своего карьерного пути. Современный судья бесчестен, труслив и безответственен, так как пытается просить отвод, чтобы скрыть события прошлого. Исходя из сказанного можно сделать вывод об отсутствии у него гуманности – важнейшего принципа конфуцианства. Таким образом, Ван Шиюэ изображает деградацию образа канонического судьи.

Когда женщина обо всем догадывается, перед ней встает выбор: закрыть глаза на ситуацию с делом мужа или предать историю огласке. Она не в силах взять на себя роль судьи, поэтому отказывается от публикации компрометирующего материала и принимает решение развес-

тись. Примечательно, что, хотя судья Чэнь Цзэво и Ду Мэй ранее руководствовались принципом справедливости, в критический момент, чтобы успокоить совесть, оба откупаются от семьи подсудимого.

В исследуемой повести, с точки зрения китайской культуры, а также с учетом современного контекста, явный человеческий грех, социальное правонарушение, в действительности одно – коррупция, охватившая все области, начиная от школьного образования и заканчивая правосудием. Однако если рассматривать повесть с точки зрения анализа героев и психологии их поведения, то становится очевидным наличие в ней целой галереи грехов. Автор прибегает к приему рефлексии, поднимая вопросы как государственного масштаба, так и личного.

Таким образом, несмотря на стремительное развитие общества, стоит отметить, что не все преобразования пошли ему на пользу. Исследователи отмечают постепенное ослабевание степени влияния на современное общество традиции, которая ранее регулировала не только государственное устройство, но и систему межличностных отношений.

Благодаря социокультурному контексту современных художественных произведений прослеживается трансформация основных идей конфуцианского учения касательно взаимоотношений личности и общества.

1. В рассказе Сюй Кунь «Кухня» наблюдается смена иерархии в системе гендерных отношений. Попытка «поменяться местами» с мужчиной делает героиню Чжицзы несчастной. В произведении отражена диалектическая взаимосвязь между духом новаторства, традицией и культурой, в то же время автор акцентирует внимание на тонком соперничестве между мужчиной и женщиной не только в обществе, но и в семейной жизни.

2. Пань Сяопин в повести «Юноша» затрагивает проблемы не только стирания границ в межличностных отношениях мужчин и женщин, но также родственных связей, строящихся не на уважении, а на страхе перед старшими, а также вопрос этики и телесности как основного элемента концепта сыновней почтительности.

В условиях урбанизации и проникновения в традиционную китайскую культуру европейских ценностей и тенденций меняется и отношение общества к телесности. Отныне тело не является даром, преподнесенным родителями. В условиях выживания в большом городе материальное берет верх над духовным, что толкает героев произведения на действия нелегитимного, неэтичного характера. Автор повести фокусируется на социальном, этическом и моральном аспектах понятия «мужской объективизации» в контексте процессов урбанизации, в условиях которых тело также

становится продуктом потребления. В повести писательница избегает приемов деликатного изображения классово-политического разделения общества. В данном случае причина, повлиявшая на потерю связи с конфуцианскими идеями, – тотальная коммерциализация.

3. Отмечаются изменения, касающиеся ценностей и жизненных ориентиров героев художественных произведений. Именно этот аспект отражен в повести Ван Шиюэ «Грехи человеческие». На примере героя-судьи и его жены автор изображает постепенный отказ от принципов гуманности, справедливости и честности, которым изначально следовали герои, являясь воплощением представителей образов правосудия и СМИ.

Таким образом, проведенное исследование позволяет проследить трансформацию идей конфуцианства в современной китайской прозе. Это наиболее ярко выражено в преобразованиях иерархической системы отношений между властью и простыми героями, системы традиционных гендерных отношений; в деградации классического образа судьи и концепции благородного мужа; в пренебрежении сыновней почитательностью и уважением к родным, а также в смене социальных ролей.

В заключение подчеркнем, что в процессе общественно-политического, экономического и культурного освоения западным миром китайского социально-культурного пространства выявляются социально-этические, а также философские преобразования в обществе, которые идут вразрез с многовековой традицией, регулирующей механизмы построения и функционирования процессов внутри личности, общества, а также во взаимодействии между ними. Однако, несмотря на воздействие современных иностранных идей и тенденций, влияние многовековых конфуцианских правил и норм на концепцию личности, а также определение ее места и роли в обществе, актуализируются авторами в качестве основного ориентира и вместе с тем трансформируются посредством вплетения и адаптации традиции в условиях современной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленина, Д. А.* Религиозно-философский компонент в образе Китая в романах П. Бак / Д. А. Ленина. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-filosofskiy-komponent-obraza-kitaya-v-romanaх-p-bak/viewer> (дата обращения: 03.08.2024).
2. *Мэн, Кэ.* Мэн-цзы / Мэн Кэ ; предисл. Л. Н. Меньшикова ; пер. с кит., указ. В. С. Колоколова ; под. ред. Л. Н. Меньшикова / СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. – 272 с.

3. *Щуцкий, Ю. К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Ю. К. Щуцкий ; [вступ. статьи А. И. Кобзева, с. 8–49, и др. ; примеч. А. И. Кобзева, Н. И. Конрада]. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. И. Кобзева. – М. : Наука : Издат. фирма «Вост. лит.», 1993. – 604 с.
4. *Гэн, Бяо.* Конфуцианство и межкультурная интеграция в контексте глобализации / Гэн Бяо // Человек и культура. – 2020. – №5. – С. 36 – 45.
5. *Сюй, Кунь.* Кухня / Сюй Кунь // Современная китайская проза. Багровое облако : антология / сост. Союз кит. писателей. – М. : АСТ; СПб. : Астрель-СПб, 2007. – С. 399 – 425.
6. *Пань, Сяопин.* Юноша / Пань Сяопин // Двойной зрачок. Китайская проза конца XX – начала XXI века : пер. с кит. яз. / отв. ред. А. А. Родионов ; сост. Н. Н. Власова, И. А. Егоров, А. А. Родионов. – СПб. : Ин-т Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2015. – С. 11 – 63.
7. *Переломов, Л. С.* Конфуций «Лунь юй» : исслед. / пер. с кит., коммент. Л. С. Переломов ; Факс. текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си ; Ин-т Дал. Востока РАН. – М. : Вост. лит. РАН, 1998. – 588 с.
8. *Tu, W. M.* Confucian thought: Selfhood as creative transformation / W. M. Tu. – URL : <https://archive.org/details/confucianthought0000tuwe> (date of access: 08.04.2023).
9. Rediscovering the social group: A self-categorization theory / J. C. Turner, M. A. Hogg, P. J. Oakes [et al.]. – New York : Blackwell. – URL : <https://www.semanticscholar.org/paper/Rediscovering-the-social-group%3A-A-theory.-Turner-Hogg/469c5d279c5e0625f730f98dc07d2d8b875a2e82> (date of access: 02.04.2023).
10. *Бодрийяр, Жан.* Общество потребления : его мифы и структуры / Жан Бодрийяр ; [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. – М. : Республика : Культурная революция, 2006. – 268 с.
11. *Сунь, Цзы.* Искусство войны / Сунь-цзы. – М. : Яуза : Эксмо, 2022. – 304 с.
12. *Вернер, Э.* Мифы и легенды Китая / Э. Вернер ; пер с англ. С. Федорова. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. – 365 с.
13. *Шафоростов, А. И.* История фундаментальных идей: детерминизм / А. И. Шафоростов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2023. – Т. 19, №2. – С. 91 – 102.
14. *Ван, Шиюэ.* Грехи человеческие / Ван Шиюэ // Времена и нравы: проза писателей провинции Гуандун / пер. с кит.; отв. ред. и сост. А. А. Родионов. – СПб. : Гиперион, 2017. – 560 с.

Поступила в редакцию 16.10.2024